

ПЕПЕЛ НА ТВОИХ ГУБАХ

Дана Рэйн

18+

Дана Рэйн

Пепел на твоих губах

«Автор»

2026

Рэйн Д.

Пепел на твоих губах / Д. Рэйн — «Автор», 2026

Алина знала Помпеи по учебникам, музейным витринам и холодным табличкам под стеклом. Она умела говорить о гибели древнего города спокойно: дата, извержение, пепел, история. Но однажды пепел открылся ей сам. Она просыпается в чужом теле, в чужом времени и в чужой несвободной жизни. Теперь её зовут Каллиста. Она — образованная рабыня в богатом римском доме, тайная учительница риторики для молодого наследника Марка Аврелия Севера. Её ум ценят, но её голосу не положено звучать слишком громко. Алина понимает страшное почти сразу: это Помпеи. До извержения Везувия — около месяца. И если город нельзя спасти целиком, возможно, ещё можно спасти тех, кто поверит. Возможно, слово действительно способно открыть дверь сквозь пепел. Даже между веками.

© Рэйн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рабыня, которая знала смерть города	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дана Рэйн

Пепел на твоих губах

Глава 1. Рабыня, которая знала смерть города

Алина проснулась от жёсткого прикосновения камня к щеке.

Пол был тёплым — так бывает в южных домах к вечеру, когда дневная жара ещё держится в плитах и не хочет уходить даже ночью. Камень давил в плечо, пах пылью, известью и чем-то терпким, незнакомым. Не больницей. Не квартирой. Не музейным залом, где всегда пахло кондиционером, лаком старого паркета и чужими пальто.

Она открыла глаза и сначала увидела пол: неровные каменные плиты с тонкими тёмными прожилками между ними, засохшее пятно вина или масла у стены, крошку хлеба, которую тут же утащил маленький чёрный муравей. Всё было слишком близко, слишком подробно, слишком реально для сна.

Алина попыталась вдохнуть — и закашлялась. Воздух был тяжёлым. В нём смешались запахи оливкового масла, дыма, прогретой штукатурки, человеческих тел, трав, влажной шерсти и чего-то сладкого, почти приторного. Где-то рядом громко плеснула вода. Кто-то сказал резкое слово на латыни.

Она замерла.

Латынь была не учебная, не из аудиозаписи к курсу, не торжественная и вымеренная, удобная для разбора по падежам. Живая. Быстрая. Грубоватая. С проглоченными окончаниями и интонациями, которые не имели ничего общего с университетскими реконструкциями.

— Callista!

Имя ударило по воздуху, будто плеть.

Алина попыталась приподняться. Голова тут же закружилась, стены пошли в сторону, солнечное пятно на полу стало белым, почти слепящим. Она опёрлась рукой о камень — и только тогда увидела свои пальцы.

Не свои.

Тоньше. Темнее от солнца. С короткими, неровно подпиленными ногтями. На запястье — след, будто там долго носили жёсткий браслет. Не украшение. Скорее метку. Потёртая кожа, тонкая полоска старой боли.

Алина перестала дышать. Она подняла вторую руку, коснулась лица. Щека была не её. Линия подбородка — не её. Волосы, упавшие на плечо, оказались тёмными, густыми, тяжёлыми и пахли дымом, ладаном и чем-то масляным.

Нет.

Она резко села, и мир качнулся.

Перед ней было узкое помещение с выбеленными стенами, низкой деревянной скамьёй, глиняным кувшином у стене и приоткрытой дверью, за которой слепило солнце. На стене висела простая туника. Рядом лежали восковые таблички, стилус, свёрнутый кусок ткани.

Она знала эти вещи. Не как человек, который ими пользовался, а как человек, который объяснял их студентам, показывал на слайдах, подписывал в музейных карточках: восковая табличка, палочка для письма, простая домашняя туника, не праздничная, не театральная, без современной стилизации.

На ней самой тоже была туника — светлая, простая, подпоясанная под грудью тонким шнуром. Ткань касалась кожи слишком прямо, слишком непривычно, без белья, без привычных слоёв современности, без защиты. Каждый вдох заставлял ткань слегка смещаться, и это

лёгкое, почти неуловимое трение по коже было одновременно чужим и слишком ощутимым. Алина судорожно подтянула край к плечу, словно могла этим вернуть себе собственное тело.

— Callista! — снова крикнули снаружи.

Каллиста.

Имя было греческим — это Алина отметила почти машинально, как отмечала бы в каталоге происхождение надписи или имени на погребальной стеле. Само по себе оно ещё ничего не объясняло. В римском доме греческим именем могли звать рабыню, служанку, певицу, переписчицу — кого угодно, купленную, подаренную или рождённую уже здесь.

Но рядом лежали восковые таблички и стилус. На низкой скамье был раскрыт свиток. А голос за дверью звал её не как гостью и не как хозяйку, а с раздражённой привычностью человека, который уверен: Каллиста должна явиться по первому требованию.

Алина посмотрела на след от браслета на своём запястье, потом снова на таблички. Греческое имя. Римский дом. Письменные принадлежности. Чужая власть, которая уже имела на неё право.

Образованная рабыня, поняла она. Или, по крайней мере, та, от которой ждали не только работы руками.

Дверь распахнулась.

Вошла женщина лет сорока, смуглая, плотная, с сильными руками и раздражённым лицом. На ней была простая тёмная туника, волосы убраны под ткань. Она остановилась на пороге и уставилась на Алину так, будто та совершила что-то неслыханное.

— Ты ещё здесь? — сказала женщина по-латыни.

Алина поняла. Не перевела, не разобрала — именно поняла, как понимают родной язык, хотя в голове всё ещё оставалась паническая уверенность: этого не может быть.

Женщина подошла, схватила её за плечо и подняла на ноги. Не жестоко, но без малейшей мысли спросить разрешения. От этого прикосновения Алина дёрнулась.

— Что с тобой? Ты бледная.

Алина открыла рот. Нужно было сказать что-то. Хоть что-то. Спросить, где она, кто эта женщина, почему она понимает живую латынь, почему руки чужие, почему её зовут греческим именем, почему на коже след от рабского браслета. Но язык не слушался.

Женщина прищурилась.

— Каллиста, если ты снова падала в обморок, скажи лучше сейчас. Господин не любит, когда его сын ждёт.

Господин. Сын. Каллиста. Восковые таблички. След от браслета. Образованная рабыня в римском доме.

Все эти признаки складывались медленно, почти издевательски, как фрагменты разбитой надписи, которую она ещё не хотела читать целиком.

И тут память ударила её с другой стороны.

Вчерашний вечер. Музей. Новая выставка по Помпеям. Маленькая бронзовая табличка с надписью, которую она должна была проверить перед открытием. Трещина на поверхности. Странное тепло металла под пальцами. Фраза на латыни, которой не было в каталоге:

Vox aperit cinerem.

Голос открывает пепел.

Потом — вспышка. Запах серы. Крик, которого не должно было быть в пустом зале. И темнота.

Женщина встряхнула её.

— Ты слушаешь?

Алина сглотнула.

— Да.

Голос был тоже не её: ниже, мягче, с лёгкой хрипотцой, будто эта Каллиста много читала вслух или часто молчала, когда хотела кричать.

Женщина отпустила её плечо.

— Тогда иди. Марк Аврелий Север уже в перистиле. И если он снова пожалуется, что ты заставила его ждать, отвечать буду не я.

Марк Аврелий Север.

Тройное имя. Римский дом. Достойная семья. Не бедная, если у сына есть отдельная рабыня-учительница, перистиль, таблички, время для риторики и отец, которому важно, чтобы наследник не ждёт.

Алина сделала шаг — и едва не упала. Женщина раздражённо подхватила её за локоть.

— Боги, да что с тобой сегодня?

Алина заставила себя выпрямиться.

— Жара.

— Жара, — передразнила женщина. — В Помпеях всегда жара. Иди.

Помпеи.

Слово стало стеной.

До этого она ещё могла цепляться за безумные версии: сон, бред, съёмочная площадка, музейная инсталляция, провал памяти, приступ после работы с артефактом. Но женщина сказала это буднично, раздражённо, как говорят о месте, где живут и устают от солнца.

В Помпеях всегда жара.

Алина медленно повернула голову к двери. За ней был свет — слишком яркий, бело-золотой, живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.